

Дождь не прекращается уже несколько дней, он сильный и гнетущий. Сасукэ наблюдал за ним через окно своей комнаты, обшаривая глазами темное покрывало туч, все еще набухшее дождем даже после почти трех дней непрерывных потоков. Такого сильного муссона Коноха не видела уже много лет.

Даже самые закалённые шиноби не решались выходить на улицу для выполнения миссий ранга А и походов в продуктовый магазин, а Сасукэ не понаслышке знает, что ливень способен пропитать все слои одежды за считанные секунды. По будильнику уже должен был рассветиться, но темный слой облаков превратил день в сплошную полночь, и ни лучика солнца не пробивается сквозь пелену.

Разочарование нарастает, когда он проводит рукой по волосам. Ему уже надоело тренироваться в закрытом помещении. Последние несколько дней он тренировался в додзё комплекса, но воспоминания, таящиеся в углах, настигают его, когда он меньше всего этого ожидает, затапливая его новой болью и воспоминаниями о брате и отце. Присутствие его матери преследует его в саду, расположенном сразу за зданием, где она ухаживала за цветами и ядовитыми растениями, превращая всю эту часть комплекса в минное поле эмоций.

В тот момент, когда он уже смирился с тем, что останется дома и проведет еще одну ночь в мучительных воспоминаниях, его зоркие глаза замечают что-то сквозь дождь за окном.

На безлюдной улице вдруг появился один-единственный житель - высокий худой мужчина с белыми волосами и кривой хитай-атэ, одинокий шиноби, легко шагающий по залитому водой тротуару. Сасукэ ищет признаки звания, но не видит их - на мужчине лишь стандартная черная безрукавка с маской, надвинутой на нос, и штаны из той же серии, что и у шиноби. Кроме пары усиленных перчаток длиной до бицепса и полоски ткани, обмотанной вокруг верхней части левой руки, на мужчине больше ничего нет - ни бронежилета, ни плаща, защищающего от дождя. Он идет сквозь ливень, как будто его и нет, без спешки и напряженности в языке тела, которые могли бы указать на дискомфорт.

Он говорит себе, что выходит на улицу, потому что ему очень нужно пройтись по магазинам, у него закончились овощи для жаркого - и неважно, что он забыл кошелек на комод.

На самом деле он просто любопытен - мужчина похож на призрак, идущий по легкому и знакомому пути, призрак, совершающий паломничество.

Только выйдя на улицу, он понимает, что совсем потерял его из виду: водяная завеса скрыла все признаки, которые он мог оставить. Дождь в считанные секунды промочил его рубашку, стекая по шее и падая с волос жирными каплями. Он разочарованно хмыкает и поворачивается назад - у него достаточно еды, чтобы продержаться еще как минимум день, - когда слышит тихий всплеск и оборачивается, чтобы увидеть человека, стоящего позади него.

Высокий шиноби смотрит на него в упор единственным серебристым глазом, второй прикрыт однобокой хитай-атэ. "Куда это вы собрались в такую бурю, Учиха-сан?" Мужчина спрашивает, его голос нейтрален и низок.

Сасукэ не удивлен, что незнакомец узнал его: почти вся деревня знает его историю и, по умолчанию, его лицо. Удивляет лишь полное отсутствие на лице мужчины жалости, любопытства или каких-либо других эмоций, которые можно было бы распознать.

"Я мог бы спросить тебя о том же". Сасукэ огрызается, не обращаясь к нему с тем же почтением, но шиноби лишь моргает, ничуть не обеспокоенный полным отсутствием манер у Сасукэ. Этот человек, должно быть, только чуунин, - решил Сасукэ. Любой Токудзё или джоунин, достойный своего ранга, по крайней мере, попытался бы поставить его на место.

Мужчина задумчиво хмыкает. "Прошу прощения. Причины моего отсутствия - личные, как вы понимаете".

Сасукэ отшатнулся в сторону. Мужчина разговаривает с ним не как со студентом академии, а как со взрослым человеком, равным ему по положению и пониманию.

"Тогда ты поймешь, если я тоже оставлю свои причины при себе", - отвечает он, немного язвительно, чтобы скрыть удивление.

Шиноби никак не реагирует, лишь склоняет голову в знак согласия. "Справедливо". Он тихо пробормотал, поворачиваясь, чтобы продолжить свой путь. "В конце концов, ваши призраки - ваши собственные".

Из всего, что он ожидал услышать из уст шиноби, этого не было нигде в списке.

"И что это значит?"

Мужчина небрежно пожимает худым плечом, не удосуживаясь обернуться. "Как вам будет угодно, Учиха-сан".

Это небольшое заявление никак не избавляет от ощущения, что на мгновение мужчина увидел его насквозь и заглянул на кладбище полупогребенной боли, которое он держит замурованным за ними.

"Подожди."

Сасукэ не уверен, что побудило его высказаться, но, вероятно, это как-то связано со старой знакомой болью, которую он увидел на несколько секунд за глазами старца.

Мужчина останавливается и поворачивается, и Сасукэ снова видит ее - вспышку безымянной боли за странными серебряными радужками.

"Что вы знаете о призраках?" - спрашивает он.

Мужчина наклоняет голову, обдумывая вопрос. "Достаточно, чтобы понять, что призраки не имеют ничего общего с присутствием мертвых, и все, что связано с памятью живых".

Эти слова поразили его, как удар в грудь.

Он никогда не думал, что кто-то может знать, что кто-то может пережить такую потерю, как он, тем более этот незнакомец. Он не может собраться с духом, чтобы произнести ответ.

Мужчина долго смотрит на него спокойно, затем отворачивается в сторону, язык его тела открыт.

Приглашение. Принять его или оставить.

<>

Он идет за незнакомцем-шиноби по просторам третьей тренировочной площадки, через поникшие деревья и траву, побуревшую от дождевой воды. В конце концов они пришли на поляну, слегка приподнятую над окружающей землей, с темным монументом в центре.

Сасукэ сам никогда не видел зеркального драгоценного камня, которым является Мемориальный камень. Его семья похоронена на кладбище Учиха, расположенном неподалеку от семейного комплекса, так что до сих пор у него не было причин для этого. Он знает, что этот мемориал был воздвигнут в память о тех, кто погиб, служа деревне, а точнее, о тех, чьи тела так и не были найдены.

Сасукэ не может понять, на каком из имен, написанных на отражающей поверхности, остановился его взгляд, и почему-то не хочет этого знать. Это кажется слишком личным, слишком частным, а он даже не знает, как этого человека зовут. Он даже не уверен, зачем он здесь.

После минуты молчания становится ясно, что человек не намерен говорить, пока к нему не обратятся, ему достаточно просто немигающего взгляда в одну точку. В этом торжественном месте он чувствует себя настолько спокойно, что это нервирует.

"Вы часто сюда приходите". Это не вопрос, Сасукэ гордится своей гордостью, но сказано достаточно мягко, чтобы не быть обвинением или оскорблением, не то чтобы он думал, что мужчину это волнует.

"Можно и так сказать". И то, как это было сказано - язвительно и слегка саркастично, - говорит о том, что он часто недоговаривает.

Сасукэ не слишком глуп или упрям, чтобы понять, что такое поведение говорит о катастрофической потере. Навещать одно и то же имя бесчисленное количество раз, так часто,

что это становится ритуалом и рутиной - что ж.

Сасукэ знает, каково это - быть полым внутри, пусть и не до такой степени. Он заполнил пустоту в своей жизни гневом, болью и жаждой мести.

Этот человек оставил ее пустой.

"Они много значили для вас". Это не вопрос, но Сасукэ вздрагивает почти сразу после того, как он произносит эту фразу.

Как всегда, констатирует очевидное.

"Все". Он отвечает с той же непринужденностью, с какой человек комментирует погоду. Это констатация факта, а не чувства.

"Что случилось?"

"Ошибка". Шиноби сразу же отвечает. "Самонадеянность. Я выбрал неправильный путь, который считал правильным, и когда я понял свою ошибку, было уже слишком поздно". Он проводит большим пальцем по имени, и Сасукэ приходится отвернуть голову. "Он погиб, спасая мою жизнь. А я, как дурак, не понимал, что у меня есть, пока не потерял ее".

<http://tl.rulate.ru/book/100795/3456616>